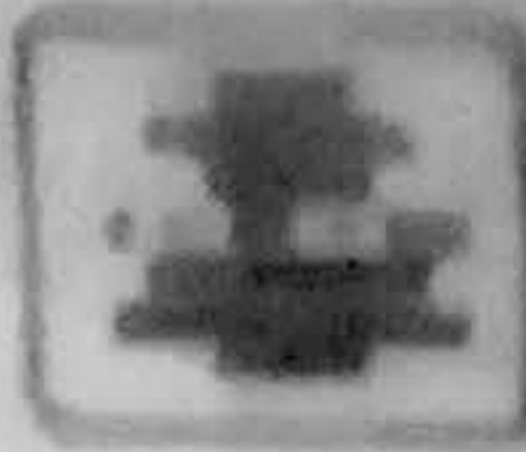

IN 2 SECTIONS
SECTION 2
SUNDAY AUGUST 18 1924

THE LARGEST
RUSSEAN DAILY
NEWSPAPER
IN THE
UNITED STATES
AND
CANADA

РУССКИЙ ГОЛОС

RUSSIAN VOICE (Daily)

RUSSKY GOLOS

64 East 7th St., New York

Две встречи с Антоном Павловичем Чеховым.

Очерк Н. ТЕЛЕШОВА

Я был еще юношей, когда впервые встретился с Антоном Павловичем, в то время тоже еще молодым человеком и писателем только что замеченным. В эту минуту я писал его первую книгу рассказов «В сумерках», за подписью «Антон Чехов», а не «Чехов», как раньше Антон Павлович только что выступил на настоящую литературную дорогу; критика о нем еще не решалась заговорить, но читатели уже интересовались им и сами его оценили.

Почти четверть века прошло с той поры до времени, когда мы всей Москвой прощались с Чеховым в Новодевичьем монастыре — до его смерти. Много за этот срок было встреч у меня с ним, много было разговоров, но при имени Чехова всегда вспоминаются мне две встречи: — первая и самая поздняя. И два его образа, молодого, цветущего, и затем безнадёжно больного — умирающего, накануне отъезда его за границу, откуда он так не вернулся живым.

В своих воспоминаниях Куприн, между прочим, приводит также слова Чехова обо мне: — «Вы спросили Тургенева, как мы с ним гуляли на свадьбе у Белоусова».

Именно на этой свадьбе мы и познакомились. Свадьба была веселая, шумная, много было молодежи; танцевали без отдыха — всю ночь.

В то время я был еще чужой в литературном мире и только что начинал печатать в маленьких журналах свои первые стихи и рассказы. Ни одного настоящего писателя в ту пору я еще не встретил. И вот в разгаре свадебной вечеринки меня кто-то подвел к молодому человеку с прекрасным лицом, рыжей короткой стрижкой, точно скользящим взглядом сквозь пенные глаза.

— Чехов.

Я уже знал его рассказы и видел его. Сказал также, что Григорьевич из Москвы пришел к Чехову познакомиться с ним, как с молодым товарищем, которому он пророчил славное будущее. Личное впечатление от прочитанных чеховских рассказов и первая в жизни встреча с «настоящим» писателем настроили меня восторженно. Хотелось сейчас же заговорить об его книге, о том новом в литературе, что он дает. Но Чехов предупредил меня ильм, совершенно неопределенным вопросом:

Вы в стуколку не играете?

— Нет.

— А со мной вот пришел Гиляровский. Жалко поиграть в стуколку, да не знает с кем. Вы знаете Гиляровского? Дядю Гиляя? — Да вот и он! — как говорят актеры в самых бездарных водевилях.

Подождал Гиляровский — познакомился. В одной руке Гиляровский держал открытую табакерку, другой посылал кому-то через всю комнату привет, говорил Чехову что-то рифмованное, в то же время глядел на меня, — но меня, кажется, не видел, занятый чем-то иным.

Не успели мы и двух слов сказать для первого знакомства, как загрела опять музыка и меня потащили в залу танцевать.

На этом может быть, и кончилось бы наше знакомство, если бы в конце ночи, после свадебного ужина, Чехов не подошел ко мне и не пошел со мной?

— Скоро утро. Пора уходить. Мы с Гиляем надумали пойти чай пить в трактир. Хотите с нами? Скоро теперь трактиры откроются — для извозчиков.

И мы пошли.

Трактир был грязный, дешёвый.

— Это и хорошо, — сказал Чехов.

Если будем хорошие книжки писать, так в хороших ресторанах еще найдёмся.

Перед моими глазами помню, была грязная пустая стена, окрашенная масляной краской. На ней ничего не было. Кроме пыли и копоти, да на известном уровне широких темных пятен, это извозчики во время чаепития прислонялись к ней своими головами, жирно смазанными деревянными маслом по обыкновению того времени, и оставляли следы. С этой стены и пошел разговор о писательстве.

— Как это сюжет нет?

наставил и а своим Чехов.

Да все сюжет, да все сюжет.

Вот посмотрите на эту стену.

Ничего интересного в ней нет, кажется.

Но вы взгляните в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

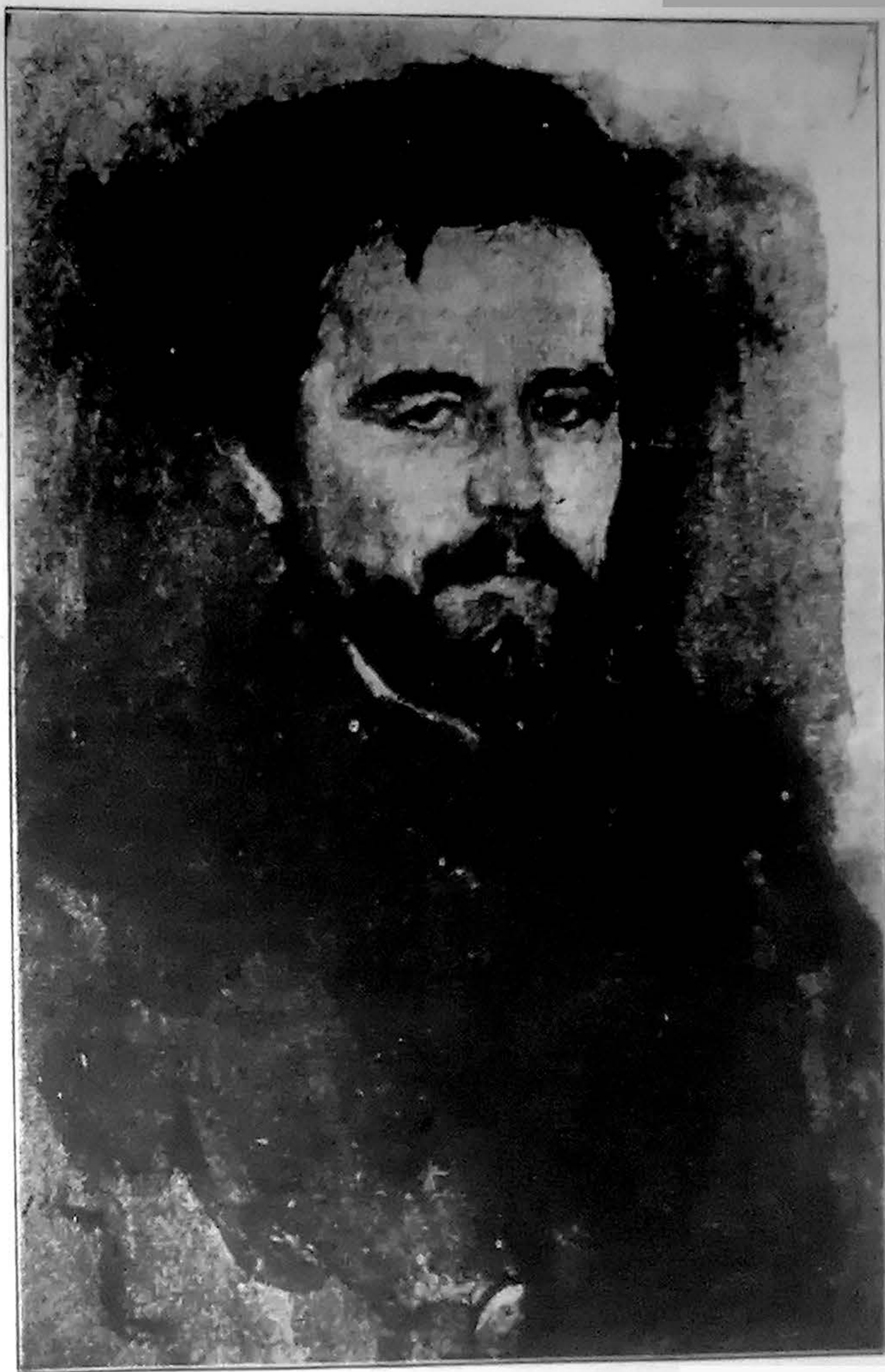
Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

Войдите в неё.

но записки, чтобы не утратить. А он не хотел, чтобы меня и воровали. —

Уйти я и был готов, но к тому, что утону, но то, что я утонул, первое мое самое страшное ожидание. На дне, где, обложившись подушками, лежу в пещере, не то в хаосе, в хаосе на ногах, сидел тоненький, маленький человек, с узким бескровным лицом, до того был худ и измучен Антон Павлович. Никогда бы я не подумал, что возможно так измучиться.

Жутко стало. А он протягивает слабую восковую руку, на которую странно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже неузнаваемыми глазами и говорит:

— Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать.

Он сказал более жестокое слово, которое резнуло меня по средине и которое не хочется сейчас повторить.

— Умирать еду. Все конечно... Поклонитесь от меня всем товарищам нашим по среде. Хороший народ у нас по добродетели. Скажите им, что я их помню и некоторых очень люблю. Пожелайте им от меня счастья и успеха. ... Больше уже не встретимся.

Сомневаться в том, что мы увидимся в последний раз, не приходилось. Было это так ясно. И потому было действительно жутко. Я боялся заговорить в эти минуты полным голосом, боялся зашептать шепотом. Нужна была какая-то нежная тишина, нужно было с открытой душой принять те нежные слова, которые были несомненно последними и исходили от чистого и прекрасного сердца.

Н. ТЕЛЕШОВ

Прошло более 20 лет.

Последняя наша встреча была накануне отъезда его за границу. Случилось так, что я зашел к нему днем, когда как раз в квартире не было никого, кроме прислуги. Перед отъездом было много нежных забот, и все близкие люди хлопотали без устали.

Я уже знал, что Чехов очень болен, очень плох, и решил довести ему Гил-